

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

ДРЕВНИЕ БАЛКАНО-БАЛТИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ И АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Вопрос о существовании определенной близости между албанским и балтийскими языками в пределах позднеиндоевропейской общности не является для сравнительного языкознания новым. Еще в конце XIX в. Г. Мейер, определяя положение албанского в кругу других индоевропейских языков, говорил о связях „иллиро-албанского“ с северной частью этой общности — с языками балтийскими, славянскими, германскими¹. Эта точка зрения была в дальнейшем поддержана П. Кречмером, Н. Йоклем, В. Пизани. Для ее обоснования особенное значение имели этимологические разыскания Н. Йокля, результатом которых был вывод: специальные лексические соответствия албанского с североиндоевропейскими языками, относящиеся преимущественно к области примитивного сельского хозяйства, леса, обработки дерева, говорят о древнем соседстве предков албанцев с предками балтийских, славянских и германских народов где-то в лесной зоне северноевропейской территории².

Для воссоздания картины языковых ареалов позднеиндоевропейского периода новые многообещающие перспективы открылись благодаря исследованиям И. Дуриданова и В. Н. Топорова³, посвященным фрако-балтийским и дако-балтийским языковым связям. Древняя топонимика (особенно гидронимия) восточной части Балканского полуострова не только находит себе соответствия в балтийской топонимике, но во многих случаях также получает достаточно убедительное этимологическое истолкование в свете апеллятивной лексики балтийских языков. И здесь дело не только в особых диагности-

¹ Meyer G. Über Sprache und Literatur der Albanesen (Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde. Berlin, 1885, Bd 1, S. 58–59). — Die Stellung des Albanischen im Kreise der indogermanischen Sprachen (Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen). Göttingen, 1884, Bd 8, S. 195).

² Jokl N. Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albaner. — Wörter und Sachen, 1929, Bd 12, S. 63, etc.

³ Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I. Die thrakisch-baltischen und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. — Sofia, 1969 (=Балканско езикознание. XIII, 2). — Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. I. — Балканское языкознание. М., 1973. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II. — Балканский лингвистический сборник. М., 1977).

ческих качествах литовского языка, обусловленных архаическим характером его структуры и богатством лексики, связанной с обозначением природных явлений, но прежде всего в самом факте наличия определенных ономастических соответствий, указывающих на древние связи, возможно, восходящие к периоду территориальных контактов в рамках позднеиндоевропейской общности. Открывшаяся таким образом возможность этимологического определения значительного числа фракийских основ, выделяемых из ономастического материала, дает уже возможность экспонировать фракийскую лексику в виде перечня лексем в количестве 182 единиц (в списке И. Дуриданова⁴), что значительно конкретизирует представление о фракийском языке.

Уместно вспомнить, что на первом этапе развития иллирологии внимание привлекали к себе также иллиро-балтийские соответствия⁵.

В настоящее время давно отмеченные факты иллиро-балтийских соответствий приобретают новую значимость — в свете приоткрывшейся картины фрако-балтийских и дако-балтийских соответствий. Установление древних ареально-исторических связей всего палеобалканского языкового комплекса с балтийской языковой областью указывает не только на доисторические территориальные контакты племен — носителей соответствующих языков с прабалтийцами, но и на то, что сами палеобалканские языки происходят из одного и того же ареала позднеиндоевропейской общности и что, будучи принесены на Балканский полуостров в результате переселений фрако-дакийских и иллирийских племен, продолжали еще сохранять известную близость — как между собой, так и с языками прежней, более северной области расселения.

Итак, из результатов палеобалканистических исследований можно заключить: а) языки фракийского и иллирийского комплексов (термин Р. Катичича⁶) были принесены говорившими на них племенами из области доисторических территориальных контактов с прабалтийскими племенами; б) расселение соответствующих этнических групп на Балканском полуострове получило отражение в определенных ономастических (дистрибуция основ и деривационных моделей) и фонетических изоглоссах, что позволяет приблизительно намечать границы отдельных этнолингвистических ареалов.

Имеющаяся сумма сведений о палеобалканской лексике не дает, однако, достаточных оснований для создания дифференцированного представления о лексическом составе отдельных палеобалканских языков. Нет сведений и о

⁴ Дуриданов Ив. Езикът на траките. — София, 1976, с. 72—84.

⁵ См.: Jokl N. Illyrier (Eberts Reallexikon der Vorgeschichte). Berlin, 1926, Bd 6, S. 45 etc. См. также многочисленные работы Г. Краэ (H. Krahe).

⁶ Katičić R. Ancient Languages of the Balkans. — The Hague—Paris, 1976, vol. 1, p. 178 etc. (с указанием лит-ры).

специфических чертах их морфологических структур, если не считать заранее данного представления о том, что эти языки, будучи индоевропейскими, должны были являть собой определенный этап эволюции общеиндоевропейского состояния поздней поры. За неимением текстов, палеобалканские морфологические структуры могут только реконструироваться. Помимо исходных данных индоевропейской сравнительной грамматики, основным материалом для этого может быть получен лишь с помощью внутренней реконструкции ранних ступеней развития живых балканских языков, восходящих в той или иной степени к палеобалканскому состоянию.

В этом отношении несомненный интерес представляют возможности внутренней реконструкции древнеалбанского языкового состояния.

Исследования, проводившиеся до сих пор с целью выяснения происхождения албанского языка (иллирийско-фракийская контроверза), мало способствовали интеграции албанских языковых фактов в круг материалов, используемых в палеобалканистических разысканиях. С другой стороны, столь же мало результатов дают эпизодические обращения к албанскому словарю в целях этимологического истолкования отдельных палеобалканских элементов. Между тем, албанский — это единственный язык, непосредственно продолжающий речевые традиции одной из частей палеобалканского ареала. Поэтому не только лексика, но и грамматический строй албанского языка могли бы послужить отправной точкой для реконструкций в области лексического состава и типовых моделей грамматического строения палеобалканских языков и, соответственно, для балкано-балтийских сравнительных исследований.

Одной из актуальных задач исторического албановедения следует считать реконструкцию древнеалбанской лексики и ее словообразовательных моделей. Для того, чтобы исконная часть словарного состава албанского языка могла быть использована в палеобалканистических исследованиях, ее надлежит экспонировать с максимальным (по возможности) приближением к палеобалканскому хронологическому уровню. Иначе говоря, предполагается возможным отобрать все исконно албанские элементы — как с выясненной индоевропейской этимологией, так и неизвестного происхождения — и попытаться реконструировать относительно более древнее состояние соответствующих лексем. Эта трудная задача, требующая огромного и длительного труда, может быть решена лишь при условии тщательного учета историко-фонетических закономерностей, относительной хронологии деривационных связей на различных исторических уровнях, изменений морфологического характера, а также с учетом возможных изменений значения.

При этом не следует забывать, что реконструкции в данном случае подлежат не индоевропейские праформы, но протоалбанские и раннедревнеалбанские, иначе говоря, хронологический уровень албанского языка примерно от 500-х гг. до н.э. — 500-х гг. н.э.

Трудность формулируемой задачи выступает с полной очевидностью, если вспомнить о том, что первая письменная фиксация албанского языка датируется концом XV в.

Характер возможной экспозиции древнейшего состояния албанской лексики показывает произведенный опыт реконструкции деривационного гнезда, объединяемого отношением к древнеалбанскому корню **lug-* ‘выдалбливать, углублять’:

**lúgas* m. — н.-алб. *lug* m. ‘углубление, желоб, корыто для водопоя’.

luga* f. (<lugā*) собирает. от **lugas* — н.-алб. *lugë* f. ‘ложка’.

lugia* f. (<lugiā*) — н.-алб. *lugje* f. ‘углубление в горах, ущелье’.

lugariā* f. (<lugariā* или **lugoriā*) — н.-алб. *lugare* f. ‘корыто’.

luganiā* f. (<luganiā* или **luginiā*) — н.-алб. *lugajë* ‘широкая долина’.

**lúguras* m. — н.-алб. *lugur* m. ‘орудие для выдалбливания’.

**lúgatas* прилагат. — н.-алб. *i lugët* ‘выдолбленный, вогнутый’.

**lúgetias* (?) или **lúgetis* (?) — н.-алб. *lugës* ‘выдолбленный, вогнутый’.

1 sg. praes. **lugónia* (<**lugāniō*⁷) — н.-алб. *luginj*, *luginj* ‘выдалбливаю’.

1 sg. praes. **lugótia* (<**lugātiō*) — н.-алб. *lugos* ‘выдалбливаю’.

Можно предположить существование в древнеалбанском не сохранившегося в новоалбанском первичного глагола **luga* (<**lugō*) ‘выдалбливать, углублять’.

При таком методе экспозиции древнейшего восстановимого состояния албанской лексики ранее известные албано-балтийские соответствия могут приобрести значительно большую степень наглядности. Несколько примеров:

Др.-алб. **ligā* > н.-алб. *ligë* ‘болезнь’, **ligas* > н.-алб. *i ligë* ‘больной, плохой’, **ligustas* или **ligastas* > н.-алб. *i ligshhtë* ‘неможный, болезненный’, ср. лит. *ligà*, лтш. *liga* ‘болезнь’, лит. *ligūstas* ‘больной’.

Др.-алб. **mētas* > н.-алб. *mot* m. ‘время, год’. Ср. лит. *mėtas* ‘время’, мн. *mėtai* ‘год’. Хотя обозначения временных понятий, образованные от и.-е.

⁷ Рефлексом и.-е. **ō* обычно считается алб. *e*. Однако эта закономерность в основном должна была действовать для ударных слогов, притом уже в относительно более поздний период истории древнеалбанского языка, о чем свидетельствует охват переходом **ō > i* также латинских заимствований. Считаю возможным реконструировать для конечного неударного **-ō* в окончании 1 л. ед. ч. наст. вр. следующую последовательность изменений: и.-е. **-ō >* протоалб. **-o >* др.-алб. **-a*.

**mē-* ‘мерить’, представлены во всех индоевропейских языках, приведенное здесь албано-балтийское соответствие имеет специфический характер.

Др.-алб. **sirmas* > н.-алб. *i thjermë* ‘пепельно-серый’, ср. лит. *širmas, širvas* ‘серый, сивый’⁸.

Др.-алб. **delas* м., собирает. **delā* f. > н.-алб. *djalë* ‘мальчик, юноша; сын’. Ср. лтш. *dēls*, латин. *filius* ‘сын’.

Несомненно прав Э. Чабей: отвергнув ранее предложенные неудачные этимологии албанского слова⁹, он выводит ее из и.-е. **dhē(i)-* ‘кормить грудью’, от которого происходят вышеприведенные лтш. *dēls* и лат. *filius*, а также (но с другим суффиксом) слав. **děte*¹⁰. Для албанского Чабей предполагает в качестве исходной форму среднего рода, возводя ее к и.-е. **dhel-nom*. Однако более вероятным представляется происхождение н.-алб. *djalë* м. от собирательной формы **delā* > **djala* f., которая, в свою очередь, была образована в противопоставлении форме м. р. **delas*, означавшей ‘ребенок мужского пола’. Ср. аналогичное происхождение от собирательных форм н.-алб. *burrë* м. ‘мужчина’, *njeri* м. ‘человек’, *bari* м. ‘пастух’ и др.

Др.-алб. **malas* (из и.-е. **molo-*) > н.-алб. *mal* м. ‘гора’. Ср. лтш. *mala* ‘край, берег’.

Др.-алб. **malija* > н.-алб. *majë* f. ‘вершина’.

Др.-алб. **méglā* > н.-алб. *mjegull* f. ‘туман’. Ср. лит. *miglà*, лтш. *migla* ‘туман’, ст.-слав. *мьгла* и другие хорошо известные индоевропейские соответствия.

Др.-алб. **landā* > н.-алб. гег. *landë* f. ‘дерево (как материал)’. Ср. лит. *lentà* ‘доска’.

Др.-алб. **lārā* > н.-алб. *lorë* ‘корова’. Ср. лтш. *liōps, lopi* ‘скот’, швейц.-нем. *loobe* ‘корова’.

Др.-алб. **lāmā* > н.-алб. гег. *lamë* f. ‘площадка для молотыбы, гумно’. Ср. лит. *lotà* ‘лог, низина’, лтш. *lāma* ‘низина; лужа’.

Др.-алб. **skalā* > н.-алб. *halë* f. ‘чешуйка (рыбы, сосновой коры), маленькая косточка’. Ср. лит. *skalà* ‘лучина, дранка’, лтш. *skals* ‘лучина’.

Др.-алб. **gārdas* > н.-алб. *gardh* м. ‘плетень’. Ср. лит. *gaĩrdas* ‘ограда, огороженное место, загон’ и соответствия в славянских и германских языках.

⁸ Это сопоставление, предложенное в свое время Н. Йоклем (Wörter u. Sachen, Bd 12, S. 89), сохраняет свое значение, несмотря на новую этимологию Э. Чабея (Çabej E. Studime gjuhësore. — Prishtinë, 1976, vol. 2, p. 228), которая кажется менее убедительной.

⁹ См.: Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. — Straßburg, 1891, S. 60; Pokorny J. IEW, 1959, Bd 1, S. 194.

¹⁰ Çabej E. Studime gjuhësore. — Prishtinë, 1976, vol. 1, p. 128.

Др.-алб. **dragā* > н.-алб. *dra* т. 'осадок (в винной бочке), вытопки (от масла)'. Ср. прусск. *dragios* 'дрожжи', др.-исл. *dregg* (< **dragjā*) 'дрожжи'.

Дальнейшее углубление этимологических исследований, с более широким привлечением диалектной лексики, вероятно, должно умножить количество исторически релевантных албано-балтийских соответствий.

Специальный интерес может представить сопоставление балтийской и албанской деривационных систем, выявление сходства в преимущественном использовании определенных словообразовательных моделей индоевропейского происхождения. Как яркое соответствие в области именной деривации следует отметить большую продуктивность в албанском и балтийских языках суффикса *-*i-ma-* (и.-е. *-*i-mo-*). Ср. отглагольные имена действия типа н.-алб. *vrapim* (< **vrap-ima-s*) 'бег' — от *vrapoj* 'бегу', *mendim* т. 'мышление, мысль' от *mendoj* 'думаю', *rrëfim* 'рассказывание, рассказ' от *rrëfej* 'рассказываю', с литовскими отглагольными именами типа *bėgimas* 'бег' от *bėgti* 'бежать', *mātymas* 'видение' от *matyti* 'видеть', *laikymas* 'посещение' от *lankyti* 'посещать' и т. д. Отмечаемое совпадение деривационных моделей с формантом *-*i-ma-* может явиться существенным добавлением к списку специальных албано-балтийских соответствий.

Одной из важнейших инноваций грамматической системы древнеалбанского языка была потеря категории среднего рода¹¹. Вероятно, причины этого были связаны не только с рано начавшимся процессом фонетической редукции конечных слогов, в данном случае окончаний *-*s* и *-*m*, имевшим своим результатом утрату формального различия имен мужского и среднего рода. Можно думать и о причинах семантико-грамматического характера. В качестве активно действующего фактора здесь могло сказаться влияние разросшейся категории собирательных имен (с формантом *-*ā* и его расширенными вариантами), вобравшей в себя определенную часть значений среднего рода.

В дальнейшей истории именных категорий албанского языка имел место интересный факт создания новой категории, связанной со значениями типа собирательности — категории определенной массы, формально выделявшейся с помощью показателя детерминированности -*t(ë)*. Эта категория, не закрепившаяся достаточно прочно в грамматической системе современного албанского языка¹², в некоторых отношениях выступает как аналог категории сред-

¹¹ Подробно см.: Десницкая А. В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка. — В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976.

¹² См.: Demiraj Sh. Çështje të sistemit emëror të gjuhës shqipe. — Tiranë, 1972, p. 170 etc.

него рода. Поэтому некоторые исследователи считают ее, вслед за Г. Педерсеном¹³, остатком индоевропейской формальной категории среднего рода¹⁴. Для этого, на мой взгляд, нет достаточных оснований¹⁵.

Осуществившаяся в древнеалбанский период ликвидация общеиндоевропейской категории среднего рода имеет примечательное соответствие в истории балтийских языков. Литовский и латышский утратили средний род, по-видимому, очень рано и, как указывает Кр. Станг, „нет возможности восстановить исторический ход этого развития“¹⁶. Остатки древнего среднего рода обнаруживаются лишь в памятниках прусского языка.

Отмеченное соответствие может быть интерпретировано на фоне других фактов, говорящих о возможности древних контактов периода позднеиндоевропейской общности между балтийскими и палеобалканскими языками и, в частности, в связи с давно отмеченными албано-балтийскими специальными лексическими соответствиями. Ареальные различия в отношении этого явления в области балтийских языков (раннее исчезновение среднего рода в восточной части области и сохранение его на западной периферии) могут говорить о территориальных границах зоны древних контактов с балтийским ареалом того палеобалканского языка, продолжением которого является албанский. С другой стороны, не ясным пока остается вопрос о том, в какой мере и до какого времени сохранялся средний род в других палеобалканских языках. Изучение этого вопроса не представляется простым и однозначным, если иметь в виду влияние греческих и латинских грамматических моделей, в соответствии с которыми получали свое оформление палеобалканские ономастические единицы и глоссы.

О том, что в некоторых индоевропейских языках средний род мог относительно рано оказаться слабым местом системы грамматических категорий имени, свидетельствует история поздней латыни и вышедших из нее романских языков. Как указывает И. М. Тронский, первые признаки ослабления категории среднего рода в народно-разговорной речи наблюдаются уже в „Сатириконе“ Петрония (I в.н.э.), где „неправильное употребление среднего рода и замена его мужским и женским является одним из признаков языка вольноотпущенников. Впоследствии, с утратой конечных *-m* и *-s*, с переходом *ī* > *ě*,

¹³ Pedersen H. Das albanesische Neutrum. — Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, 1897, Bd 34.

¹⁴ Demiraj Sh. Op. cit., p. 85 etc.

¹⁵ См.: Десницкая А. В. Средний род или категория „определенной массы“? — Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

¹⁶ Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. — Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, S. 179.

формальные отличия среднего рода от мужского и женского оказались совершенно ничтожными, и категория среднего рода исчезла. В романских языках среднего рода уже нет и унаследованные из латинского языка существительные среднего рода распределились между двумя сохранившимися родами — мужским и женским¹⁷.

Таким образом обнаруживается, что изоглосса процесса раннего ослабления и исчезновения грамматической категории среднего рода охватывает относительно протяженный ареал распространения индоевропейской речи — от балтийских языков на севере до поздней латыни и романских языков на юге. Албанский язык, происходящий от одного из языков палеобалканской области, составляет в этом отношении как бы промежуточное звено.

Можно предполагать, что предпосылки сходного процесса развития могли быть заложены в каких-то общих явлениях периода древних ареальных контактов в пределах еще не распавшейся позднеиндоевропейской общности. Вряд ли, однако, единство причин здесь можно искать в сходных процессах фонетической редукции окончаний, так как для балтийских языков подобное объяснение явно не подходит. Скорее следует искать сходств в области семантико-структурных явлений. Можно думать, что исходным моментом ослабления категории среднего рода мог быть характер ее соотношения с категорией собирательности, принявшей на себя определенную часть значений и функций среднего рода и тем самым содействовавшей ослаблению и вытеснению последнего.

Вопрос этот подлежит дальнейшему исследованию.

¹⁷ Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. — М., 1960, с. 136.